

Золотарева Л. А. Текстовые реализации фразеосхемы «N1-6 + так + N1-6» в публицистическом и художественном дискурсах / Л. А. Золотарева, Н. Т. Окатова // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 9—28. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-9-28.

Zolotareva, L. A., Okatova, N. T. (2021). Textual Manifestation of the Phraseological Scheme “N1-6 + so + N1-6” in Publicistic and Artistic Discourses. *Nauchnyi dialog, 1*: 9-28. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-9-28. (In Russ.).

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-9-28

ТЕКСТОВЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФРАЗЕОСХЕМЫ «N₁₋₆ + ТАК + N₁₋₆» В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСАХ

© **Золотарева Любовь Александровна (2021)**, orcid.org/0000-0001-8067-8185, Scopus Author ID 57191892992, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет» (Владивосток, Россия), l100569@yandex.ru.

© **Окатова Наталья Тимофеевна (2021)**, orcid.org/0000-0002-0822-1380, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет» (Владивосток, Россия), oknt@gambler.ru.

Статья посвящена выявлению функциональных особенностей фразеосхемы «N₁₋₆ + так + N₁₋₆» в текстах публицистического и художественного стилей русского языка. Рассмотрены структурные, семантические и прагматические характеристики языковых единиц этого структурного типа. Комментируются различные подходы к описанию фразеосхем русского языка, но основным для данного исследования авторы предлагают считать объединение структурно-семантического и функционально-коммуникативного подходов. Отмечается, что в русском языке исследуемая фразеосхема представлена в двух омонимичных вариантах, которые имеют значение высшей степени проявления признака и значение согласия / принятия. Приводятся аргументы для выделения этих вариантов, которые подтверждаются различием семантики, компонентного состава и грамматической вариативности каждой фразеосхемы. Особое внимание авторы уделяют выявлению контекстуальных значений данного синтаксического построения. Рассматриваются такие виды значения согласия и принятия, как вынужденное / неконтролируемое, безразличное согласие / принятие, осознанное / контролируемое и др. Актуальность исследования обусловлена появлением новых фактов фразеологизации синтаксических единиц в речи и применением комплексного анализа к рассматриваемым фразеологизмам. Материалом послужили тексты Национального корпуса русского языка, а также картотека авторов.

Ключевые слова: синтаксическая фразеология; предложения фразеологизированной структуры; фразеосхема; семантика фразеосхемы; структурные характеристики; прагматические особенности.

1. Основные направления исследования синтаксической фразеологии

Рассматриваемая в данной статье фразеосхема « $N_{1-6} + \text{так} + N_{1-6}$ » относится к числу фразеологизированных предложений русского языка, которые отличаются от предложений свободной структуры тем, что воспроизводятся в речи в готовом виде, состоят из постоянных и переменных лексических компонентов, которые не сочетаются по принятым в языке правилам; их значение характеризуется идиоматичностью, то есть невыводимостью из значений компонентов, и, самое главное, как отмечает автор термина *фразеосхема* Д. Н. Шмелев, «фразеологической является самая схема предложения» [Шмелев, 1960].

Активное исследование синтаксического уровня языка на предмет наличия в нем фразеологических единиц началось в 60-е годы прошлого века, и связано оно прежде всего с изучением синтаксиса разговорной речи. Описание устойчивых конструкций Н. Ю. Шведовой [Шведова, 1958] и Д. Н. Шмелёвым [Шмелев, 1958] открыло новое направление в лингвистике, в котором было заявлено изучение синтаксических фразеологических единиц (далее — СФЕ). Фразеологизированные конструкции привлекли внимание таких ученых, как В. И. Кодухов [Кодухов, 1967], Н. А. Янко-Триницкая [Янко-Триницкая, 1967], Г. Я. Солганик [Солганик, 1976] и др.

К настоящему времени в русистике сложились определенные подходы к описанию этих языковых единиц: структурно-семантический, «идиоматический», прагматический, конструкционный, лингвометодический и лексикографический (подробнее об этом см.: [Золотарева и др., 2018]). В рамках первого направления считаем необходимым выделить исследования в области синтаксической фразеологии научной школы М. Ю. Меликяна, в трудах которого определены единицы синтаксического уровня фразеологии, описаны нечленимые предложения русского языка, получили комплексное рассмотрение такие построения, как коммуникемы [Меликян, 2013]. Описание СФЕ нашло отражение не только в теоретических исследованиях ученого и его последователей, но и в лексикографической практике — в различных словарях синтаксических фразеологизмов [Меликян, 2016] и др.

Второе направление предполагало изучение синтаксической идиоматики: работы И. Н. Кайгородовой [Кайгородова, 1999] и ее последователей, в частности И. Н. Крутовой [Крутова, 2010], ставят целью определение коммуникативно-прагматического потенциала синтаксических идиом. Близки этому направлению и труды таких исследователей, как Л. А. Пио-

тровская [Пиотровская, 2019], С. С. Сафонова [Сафонова, 2013], Н. А. Пузов [Пузов, 2011] и др.

Описанию синтаксических фразем с вопросительным словом посвящены работы Л. Л. Иомдина, объектом анализа которых служат конструкции малого синтаксиса [Иомдин, 2013].

Исследованием самого процесса фразеологизации в области синтаксиса активно занимается М. В. Копотев [Копотев и др., 2016], изучение отдельных фразеологических конструкций представлено в работах Е. Л. Вилинбаховой [Вилинбахова, 2013], Н. Р. Добрушиной [Добрушина, 2013].

Среди работ лингводидактического направления следует отметить труды А. В. Величко [Величко, 2016]. Заслуженом ученого является семантическая классификация синтаксических фразеологизмов, описание предложений фразеологизированной структуры с позиции функционально-коммуникативной грамматики, включающее не только прагматический, но и когнитивный, социокультурный аспекты. В рамках данного подхода можно отметить исследования М. В. Всеволодовой, Ли Су Ен, Л. А. Балобановой [Всеволодова и др., 2002; Балобанова, 2004], а также наши работы по синтаксической фразеологии [Золотарева и др., 2018; Золотарева, 2019].

Одним из новейших исследований является также работа Ван Жучжэнь, написанная в соавторстве с Е. А. Стародумовой [Ван Жучжэнь и др., 2019], в основу которой легли наблюдения над функционированием частиц в составе фразеосхем русского языка.

Предметом нашего исследования служит фразеосхема « $N_{1-6} + \text{так} + N_{1-6}$ », выражающая различные оттенки значения согласия / принятия.

2. Фразеосхема « $N_{1-6} + \text{так} + N_{1-6}$ » в исследованиях по синтаксическим фразеологизмам

В русском языке существуют две омонимичные конструкции, имеющие одну структурную схему « $N_1 + \text{так} + N_1$ », но выражающие разные значения: высокую степень проявления признака и согласие / принятие.

В качестве омонимичных рассматриваются фразеосхемы «<Ну> N [V finit, inf, Adj, Adv, Pron](,) + так + <и> + N [V finit, inf, Adj, Adv, Pron]!» и «<Вот [уж]> N_1 [V inf, finit (н.вр., пр.в.), Adj, Adv](,) + так + N_1 [V inf, finit (н.вр., пр.в.), Adj, Adv]!» в диссертации В. В. Посиделовой. Значение первой фразеосхемы трактуется как «согласие, примирение с оттенком безразличия, равнодушия, нейтрального отношения к предмету речи» [Посиделова, 2008, с. 91], а вторая выражает «высокую степень интенсивности проявления предмета речи, его оценку как во всём соответствующего называемому, обнаруживающегося во всей полноте, во всех своих возмож-

ных проявлениях, в сочетании с одобрением / неодобрением, возмущением / восхищением, порицанием, огорчением и т. п.» [Там же, с. 97].

В словаре В. Ю. Меликяна данные фразеосхемы различаются аналогичным образом [Меликян, 2016, с. 217].

А. В. Величко в своей монографии описывает рассматриваемые фразеосхемы (далее также — ФС) как принадлежащие к разным семантическим группам. ФС «вот + сущ. / глаг. / прил. / нареч. + сущ. / глаг. / прил. / нареч.» относится к группе недифференцированной оценки, а ФС «инф. / сущ. / прил. / нареч. + так + инф. / сущ. / прил. / нареч.» входит в группу предложений, выражающих принятие. По мнению исследователя, употребление слов разных частей речи в качестве варьируемого компонента последней фразеосхемы «обеспечивает широкие семантические возможности структуры», то есть инфинитив выражает «согласие говорящего принять, осуществить действие, а следовательно, всю ситуацию», а слова других частей речи акцентируют внимание на согласии с определенным аспектом ситуации [Величко, 2016, с. 184—185]. Автор также отмечает, что общее семантическое значение принятия реализуется в согласии, принятии и утверждении.

Включение фразеосхемы « $N_1 + \text{так} + N_1$ » в состав «Вот $N_1 + \text{так} + N_1!$ » М. Копотев обосновывает общей этимологией предложений, построенных по этим схемам. Он утверждает, что оба фразеологизма имеют общую историю: «Вот $N_1 + \text{так} + N_1!$ » восходит к условной конструкции *Если X, так X magn.*, в которой условие максимального проявления ситуации или признака может задаваться эксплицитно, а вторая фразема восходит к условному предложению *Если X, так X*, которое имело модальную лексику в качестве первого компонента конструкции: *Если надо X, так Ø X (Если надо в школу, так Ø в школу)* [Копотев и др., 2016, с. 72].

В данной работе мы придерживаемся мнения о том, что исследуемые конструкции представляют собой две различные фразеосхемы. Можно рассматривать « $N_{1-6} + \text{так} + N_{1-6}$ » как самостоятельную фразеосхему, так как, во-первых, в современном языке отсутствует семантическая связь между «Вот $N_1 + \text{так} + N_1!$ » и « $N_{1-6} + \text{так} + N_{1-6}$ », во-вторых, конструкции принимают в свою структуру совершенно разные по семантике и выражению факкультативные компоненты, в-третьих, данные построения имеют отличающиеся грамматические варианты переменных лексических компонентов.

3. Структурный состав фразеосхемы « $N_{1-6} + \text{так} + N_{1-6}$ »

Характерные черты фразеосхемы, а именно ее клишированность и воспроизводимость, проявляются в повторяемости типовой схемы синтак-

сической конструкции, состоящей из постоянного / неизменяемого компонента — частицы *так* и переменных / изменяемых, выраженных одним именем существительным.

Определение семантики постоянного структурообразующего компонента в значительной степени затруднено, так как в составе фразеосхемы его значение меняется.

Как отмечает в своей диссертации В. В. Посиделова, «данная фразеосхема производна и образована на основе сложноподчиненного предложения с придаточным условия или бессоюзного предложения нефразеологизированного типа с условным значением» [Посиделова, 2008, с. 92]. В. В. Посиделова считает *так* усилительной частицей, сохранившей особенности семантики, обусловленные ее ролью в сложном предложении.

В словаре В. Ю. Меликяна также отмечается, что *так* употребляется для усиления и подчеркивания слова или группы слов, к которым относится [Меликян, 2016, с. 238]. Это же значение указывается для частицы *так* в составе омонимичной конструкции со значением высшей степени проявления признака. Таким образом, значение частицы и ее функция в различных фразеосхемах не дифференцируются.

В «Словаре русских частиц» Э. Г. Шимчук и М. Г. Щур частица *так* рассматривается как выделительная, в словарной статье упоминаются «следующие синтаксически и лексически обусловленные употребления *так*:

В сочетании двух совпадающих форм имени существительного с безударной частицей *так* между ними, выражающем сообщение о том, что соответствующий предмет достоин внимания, удивления, восхищения. *Вот конюх, так конюх, — говорит мать. — И лошади чисты, и кормушки все починены. Он и конюх, и плотник (Пришвин) ...*

В сочетании двух одинаковых форм инфинитива, существительного или местоимения с безударной частицей *так* между ними, выражающем сообщение о согласии с чем-нибудь или на что-нибудь, о допущении какого-нибудь действия, состояния или о готовности приступить к осуществлению чего-нибудь. *Ехать так ехать. Новый так новый, я не спорю. Ну что ж, за работу так за работу ...»* [Шимчук и др., 1999, с. 114—115].

Нерешенным является также вопрос о факультативных и постоянных членах омонимичных конструкций. Сравним две схемы, в которых мы отражаем факультативные компоненты разной степени сложности:

Схема **N1 + так + N1!**

Значение высокой степени проявления свойств предмета

Вот
Уж
Во
Во-о
Вот это
Вот уж
Вот что
Вот где
Вот это уж
Вот уж это
Вот уж где

Схема **N1 + так + N1**

Значение принятия, согласия

Ну
Ладно
Хорошо
Ну, ладно
Ладно...но / а / хотя
Что же
Что ж
Ну, хорошо
Ну и что
Ну и ладно
Ну что ж
Ну что ж, ладно
Да это то ладно

Нетрудно заметить присутствие частиц *вот* во всех вариантах состава в первой схеме (значение высокой степени проявления свойств предмета) и частицы *ну* во второй схеме (значение принятия, согласия). Из этого заключаем, что значение факультативного компонента влияет на значение фразеосхемы. Участие частицы *вот* в формировании семантики фразеосхемы позволило А. В. Величко рассматривать ее в качестве постоянного структурообразующего компонента фразеосхемы *вот + суц. + так + суц.* Этого же мнения придерживаются М. В. Всеволодова и Лим Су Ен [Всеволодова и др., 2002].

Ещё одним доказательством в пользу рассмотрения двух вышеупомянутых конструкций как отдельных фразеосхем являются следующие факты:

— употребление в составе « $N_{1-6} + \text{так} + N_{1-6}$ » имен собственных и невозможность их использования в « $\text{Вот } N_1 + \text{так} + N_1!$ »;

— падежная вариативность имени существительного в первой конструкции;

— возможность употребления инфинитива, наречия, прилагательного в качестве вариативного компонента вместо существительного в « $N_{1-6} + \text{так} + N_{1-6}$ ».

Включение в конструкцию имен собственных связано, на наш взгляд, с семантикой конструкции: в качестве объекта принятия или согласия может выступать любое явление действительности; именно поэтому для выражения различных обстоятельственных отношений используются топонимы либо антропонимы:

В Павловск — так в Павловск. *Пока еще все было вполне мирно, и у меня оставался шанс сбежать* (Ю. И. Андреева. Многоточие сборки, 2009) [НКРЯ];

*Но скворчата, уже привыкшие к ежегодным весенним перелетам, ничего не имеют против почти недельного путешествия по водяным и сухопутным путям сообщения, ведущим в царство Сидорыча и ему подобных... **К Сидорычу так к Сидорычу!** (Н. Н. Златовратский. Сироты 305-й версты, 1893—1900) [Там же]; **Хорошо. У Пушкина, так у Пушкина. Поехали. И мы поехали** (С. Алешин. Встречи на грешной земле, 2001) [Там же].*

Падежная вариативность существительного в данной конструкции имеет свою специфику. Именительный падеж существительного можно рассматривать как инвариант данной фразеосхемы, так как он в условиях лексического повтора может заменять любой падеж, а также обладает высокой частотностью (на его долю приходится около 50 % всех употреблений фразеосхемы): *Однажды Дмитрий Павлович позвонил мне и сообщил, что я приглашен **на ужин**. **Ужин так ужин** — я редко отказываюсь от подобных приглашений* (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени, 2008) [Там же]. Далее в порядке убывания следуют падежи:

— предложный (20 %) (преимущественно в значениях места и времени): *«Тут, — говорят нам, — коляску оставить нужно, а придется вам ехать на ослах!» **Что ж, на ослах так на ослах!** — сели, поехали* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи, 1872—1876) [Там же]; *— Как-нибудь на этой неделе, — отвечал протяжно князь. — Можно на этой неделе? — счел он, однако, нужным спросить и Елену. — Мне все равно! — отвечала та, не повертываясь к ним лицом. — **На неделе, так на неделе!** — сказал Миклаков и взялся за шляпу* (А. Ф. Писемский. В водвороте, 1871) [Там же];

— винительный (15 %) (доминирует значение места): *Вот и придется соглашаться на все, что скажут, **в партию так в партию**, лишь бы не конфликтовать с руководством», — пишет одна из воспитательниц* (А. Александрова. В Златоусте сотрудники детских садов принуждают вступать в «Единую Россию» // Новый регион 2, 2011.03.28) [Там же]; *Опять сматывать удочки. **В Бирзулу, так в Бирзулу**. К чорту на рога, куда угодно* (Дон Аминадо. Поезд на третьем пути, 1954) [Там же];

— дательный (10 %) (частотны значения временного предела и адресата): *— Ты с этим пришла? — Нет, конечно. **К зиме так к зиме**. Дружка твоего Кичуя Второв отправляет в Самару* (С. Данилюк. Рублевая зона, 2004) [Там же]; *Федор понял это, и на той волне, которая сейчас несла его, готов был идти куда угодно. — **К казакам так к казакам*** (Б. Васильев. Были и небыли. Книга 2, 1988) [Там же];

— творительный (3 %): *— Вот она хочет, чтобы я съездил за её матерью. — **Ну, что же, за матерью, так за матерью**. Мы и одни пока что*

управимся ... (А. М. Федоров. Феномен, 1910) [Там же]; — *По мне, что ж? Я здесь, так здесь, за Волгой, так за Волгой, — не совсем довольным голосом ответила Дарья Сергеевна* (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая, 1875—1881) [Там же];

— родительный (2 %): *Разве только у Перелыгина еще кой-что... — Ну, у Перелыгина, так у Перелыгина. Только скорей распорядитесь, чтоб привезли сюда. Момент такой, что, понимаете...* (Е. И. Замятин. Икс, 1919) [Там же].

В целом следует отметить превалирование обстоятельственных падежных значений над объектными. Отметим также, что для данной конструкции характерно выстраивание цепочек (назовем их *фразеологизированные* — ФЦ). ФЦ образуют самостоятельную семантико-синтаксическую единицу с устойчивой структурой: *к кому куда / куда к кому и где когда*. Представим примеры некоторых из них: *Нельзя управлять событиями. К отцу, так к отцу!.. В Париж, так в Париж!.. Стряпать на кухне, чинить белье стареющему отцу, ходить за ним ...* (П. Н. Краснов. Ложь, 1938—1939) [Там же]; *В Кисловодск — так в Кисловодск! К красным — так к красным! К белым — так к белым! Или даже к своей маме, которую она почти не помнила ...* (А. Мишарин. Белый, белый день // «Октябрь», 2003) [Там же].

Употребление фразеологизированных цепочек стало классическим стилистическим приемом:

Лишь бы жизнь шла непрерывным вертячим круговоротом, лишь бы быстрая смена впечатлений, а то — к Семирадскому так к Семирадскому, на курсы так на курсы, в кафешантан так в кафешантан, под дружеские распеки Корецкой — так под распеки (А. В. Амфитеатров. Нелли Раинцева (из сборника «Бабы и дамы»), 1895) [Там же].

Одной из важных синтаксических особенностей рассматриваемой фразеосхемы является способность ФС образовывать ряды. При этом предтекст может содержать обобщающее слово, обычно иной природы, чем остальные члены сочинительного ряда: *Другие певцы поют только в концертах, на эстраде: боятся голос надорвать. Нина была не такая. Она везде пела: в ванной так в ванной, в кухне так в кухне. Иной раз даже на улице запоёт, милиционера оразнит* (И. Грекова. Хозяева жизни, 1960) [Там же]; *Перед младшими Женька не задается, как Васька, — охотно играет с ними во что угодно: в войну так в войну, в милиционеров так в милиционеров, в лото так в лото* (В. Ф. Панова. Сережа, 1955) [Там же];

Эта особенность проявляется также в сочетании глагольной и именной конструкций: *Жениться, так жениться, на кикиморе так на кикиморе*.

И, в конце концов, чем та же самая кикимора хуже любой другой девицы? (А что сделаешь ты, если тебе предложат фиктивный брак с кикиморой? // «Пятое измерение», 2003) [Там же].

В состав фразеосхемы могут входить устойчивые синтаксемы типа *к столу, в путь, к делу*: — **К столу так к столу**, — *Второв приготовился передвинуть кресло, но Онлиевский, опередив, сам быстренько ухватился за витые ручки и перетащил на два метра* (С. Данилюк. Рублевая зона, 2004) [Там же]; *Пел хор, слышимость была плохая, но слова «В путь-дорогу дальнюю» Вера легко различила. «Что ж, в путь так в путь!»* (А. Чаковский. Блокада, 1968) [Там же]; — *Но пора бы уже и к делу. — К делу так к делу!* — *Сыров утер губы салфеткой. Взгляд его ожил и загорелся* (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени, 2008) [Там же].

4. Семантические свойства и прагматические особенности фразеосхемы

Русская грамматика описывает значение данной фразеосхемы как согласие, принятие действия, состояния, упоминается также преимущественное употребление СФЕ с глаголами. Предложения, созданные таким образом, считаются нечленимыми, то есть вычленив из них или ввести в них член предложения, по форме и значению совпадающий с подлежащим, невозможно [РГ, 1980, с. 383].

Фраземой «неконтролируемого выбора» считает конструкцию «...X так X» М. Копотев: «Говорящий не может полностью контролировать ситуацию X, не способен или не хочет ничего в ней изменить, однако соглашается с ней» [Копотев и др., 2016, с. 65]. Факультативными элементами конструкции являются, по мнению М. Копотева, предшествующие частицы *ну что ж, ну, что*. Представленные выше факультативные элементы, по нашему мнению, не являются конечным списком.

Общее значение фразеосхемы — *принятие / согласие* — в контексте осложняется дополнительными смыслами. Анализ собранного материала с учетом контекста и значения факультативного компонента позволяет выделить следующие виды семантики согласия.

1. Вынужденное (неконтролируемое) согласие.

1.1. В силу общепринятых норм поведения.

Нормой считается узаконенное установление, признанный обязательным в обществе порядок, строй чего-нибудь:

<...> *Лизавета надела бутылочного цвета льняной брючный костюм, заявив, что зеленое, как считают психиатры, успокаивает даже парано-*

иков. *Сергей против зеленого не возражал и еще раз настоятельно посоветовал быть вежливой. **Что же, вежливость так вежливость*** (Е. Козырева. Дамская охота, 2001) [НКРЯ].

Фразеологизированная структура предворяется напоминанием о соблюдении норм поведения: *настоятельно посоветовал быть вежливой*. Вежливость как общепринятая категория этики соблюдения внешних приличий не нуждается в дополнительных объяснениях. Выражение согласия поддерживается в составе ФС разговорной частицей *что же*.

«**Что же (ж)** (ср. частица, разг. То же что *ну что же*; употребляется при выражении одобрения чего-либо, согласия с чем-либо, соответствия по значению словам: *хорошо, ладно* и т. д.)» [Рогожникова, 2003, с. 389].

Значение принятия / согласия фразеосхемы, таким образом, выражается дважды: структурообразующей частицей *так* и идиоматической двух-элементной частицей *что же* [Стародумова, 1997, с. 61].

1.2. В силу исключительных внешних обстоятельств.

Что ж, Комиссия так Комиссия. *Внешне я и глазом не сморгнула, только пальцы ног поджались, словно змея проползла* (И. Грекова. Без улыбок, 1975) [НКРЯ].

Вынужденное согласие подтверждается словом *что ж*. Одновременно говорящий выражает недовольство сложившимся положением дел, что поддерживается в тексте противопоставлением *внешне ... только (= но)*.

1.3. Согласие / принятие вопреки ожидаемой ситуации.

*Во второй половине 1950-х я встретил Федора в коридоре Лениздата. Мы поздоровались, он сказал, что вот, мол, принес свой роман. Я довольно вяло откликнулся. **Роман так роман**. Я ждал от него тогда статей, вроде той, что запомнилась* (А. Рубашкин. Двадцать лет спустя // «Звезда», 2002) [Там же].

Реакция говорящего на нежелательную (вопреки ожиданиям) ситуацию выражена невербально, в его действиях: *вяло откликнулся*.

1.4. Вследствие конфликта с моралью, нравственностью.

*Теперь ему поручают казнить двух крестьян, но на этот раз Махоркин решительно отказывается, хотя начальник тюрьмы грозит наказать его плетью, на что Махоркин отвечает: «**Что ж, плети — так плети, а убивать закона нет**»* (В. Микушевич «Каждый за всех виноват» или «нет в мире виноватых»? (2007) // «Наука и религия», 2010) [Там же].

Вынужденное (*что ж*) согласие на наказание в виде плетей обусловлено нравственными мотивами его принятия — нежеланием исполнять обязанности палача (*что ж ... а ...*).

1.5. Под влиянием весомых доказательств.

— *Туда все наши уезжают, — сказал Грым. — Кто добился успеха в жизни. — Ну хорошо, — согласился Дамиллола. — Лондон так Лондон. Мне не нравится, как там кормят. Хотя одно хорошее место я знаю ...* (В. Пелевин. S.N.U.F.F., 2011) [Там же].

В диалогической речи значение принятия часто выступает как вынужденное согласие, согласие под давлением: собеседник приводит ряд аргументов, заставляющих принять его точку зрения, согласиться с ним.

Значение согласия с оппонентом обусловлено аргументирующим контекстом (*так делают все, их статус — успешные люди*) и выражено эксплицитно: лексемой *согласился* и частицей *ну хорошо*. Частица *ну хорошо* синонимична частице *ну ладно*, «используемой для подтверждения согласия с чем-либо» [Рогожникова, 2003, с. 281].

2. Безразличное согласие / принятие.

Может быть связано с наличием более важных моментов в жизни человека, его внутренним состоянием.

Баглаев, продолжал записывать под диктовку. — По фигурному катанию. Вот удостоверение тренера. Ну, тренер так тренер ... Какая разница? По мнению Тимура Ахмедовича Баглаева, в этой жизни существуют только два вида настоящего спорта — футбол и бокс. Все остальное — фантики. Тем более фигурное катание (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1, 2014) [НКРЯ]. Значение безразличия поддерживается разговорным фразеологизмом *Какая разница?*, употребленным в значении ‘не все ли равно, не имеет никакого значения’ [БУСРЯ, 2016, с. 985].

Как повелось в семье Приходьков, у всех — кроме имен и отчеств — еще были удобные и понятные прозвища. Николай Андреевич был Пушкой; его старший сын Юра был Куркой, Курицей; младший Николай — Никуськой, Куськой; я был Тюркой, Тюриком — именно так, по общему мнению, я в беззубом детстве произносил свое имя Шурик. Ну, Тюрка так Тюрка, мне было всё равно (А. Е. Рекемчук. Мамонты, 2006) [НКРЯ].

Следующее за СФЕ выражение *все равно* определяется в коллективной монографии «Дискурсивные слова» под рубрикой «Грань С1 Всеравенство. С1.1. Это роли не играет» [Дискурсивные слова ..., 1998, с. 245].

Значение согласия / принятия в обоих случаях поддерживается частицей *ну*, которая употребляется ‘для введения завершающего суждения, а также как обобщение происшедшего’ [БУСРЯ, 2016, с. 636].

3. Молчаливое согласие.

Молчание воспринимается в русской культуре как согласие. Поговорка «Молчание — знак согласия» означает ‘молчать, не говорить «нет»

в ответ на какое-либо предложение — значит соглашаться на него' [Там же, с. 548].

*Послала я всех подальше. И тогда обо мне некоторые стали говорить: дура. Я молчу. Дура так дура. А вот пришла ко мне Маня и говорит мне с порога: «Прости, если можешь, меня, дуру ...» Я ей отвечаю: «Дуру поймет и простит только дура». Заплакали мы с ней, засмеялись и вот теперь вместе (Г. Щербакова. Ах, Маня ..., 2002) [НКРЯ]. Притворное, неискреннее согласие сводится на нет выражением *а вот*, употребленном для того, чтобы 'отвести сомнения собеседника, для выражения собственной уверенности в благополучном исходе обсуждаемого дела' [БУСРЯ, 2016, с. 22].*

4. ОСОЗНАННОЕ (КОНТРОЛИРУЕМОЕ) СОГЛАСИЕ / ПРИНЯТИЕ.

Часто используется в диалогической речи в качестве итога беседы, в монологической речи также чаще выступает в заключительной части внутреннего диалога героя.

4.1. Запланированное согласие.

А сегодня у нас запланирован цирк ... оказывается, очень хочется. Ну что ж, ладно, цирк так цирк ... (Ф. Кнорре. Родная кровь, 1962) [НКРЯ].

4.2. Согласие как итоговый элемент договоренности.

— *А когда вечером?* — *спросила Луша и снова покраснела.* — *Часов эдак в семь.* — *Давай в семь,* — *быстро согласилась она, со смятением чувствуя, что деловой разговор, помимо ее воли, превращается в назначение свидания...* — *А то давай так: выходи на развилку и жди. Я пойду из Вознесенского прямо в Поповку. На развилке и встретимся. Чего мне попусту сюда заходить?* — *Что за развилка?* — *Не знаешь, что ли? Где лес горел.* — *Ладно. На развилке так на развилке,* — *сказал Саша и, уходя, добавил: — Только без опоздания. В семь так в семь.* У Луши пылали щеки (С. Антонов. Тетя Луша, 1956) [Там же].

4.3. Резюмирующее (как результат размышлений, с доводами).

— *Прожектор? Это звучит,* — *сказал Алик.* — *«Прожектор» — это хорошо,* — *сказал Юрка.* — *Прожектор так прожектор,* — *сказал Димка (В. Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961) [Там же].* Доводы собеседников служат для говорящего достаточным основанием для согласия.

4.4. Аргументирующее согласие (самоаргументация).

В субботу мне позвонил Игорь Апельсинов из Би-би-си. <...> В Лондон приехал Генеральный директор энергокомплекса Города, у которого было необходимо срочно взять интервью, <...> Так не могу ли я сделать это вместо него, тем более что я по крайней мере знаю хоть что-то о Городе

(за несколько лет до того я слегка ознакомился с его необычным языком). **Ладно, интервью так интервью, выручу друга в беде** (А. Пятигорский. Древний Человек в Городе // «Октябрь», 2001) [Там же]. Перечисленные выше аргументы (самоаргументация) говорят о принятии положительного решения. Значение согласия поддерживает и частица *ладно*, употребленная ‘для выражения согласия говорящего осуществить какое-либо действие’ [БУСРЯ, 2016, с. 482].

4.5. Согласие с оговорками (*да ... но*).

*«А мы бы тебя в кандалах привели». И опять полшутки-полуугрозы: скажи спасибо, что мы полы не вскрываем и обои не отдираем, а ведь могли бы Прошло ещё какое-то время, и Анне предъявили еще один ордер на обыск. **Обыск так обыск, но что искать** в крошечной квартирке-хрущобе, где недавно уже все перерыли* (А. Политковская. Дело Холодова принимает неожиданный оборот // «Общая газета», 1998) [НКРЯ].

Значение согласия, выраженное фразеосхемой, представляющей первую часть ССП, вступает в противоречие со второй его частью, вносит ограничение в содержание предыдущей части, то есть, по сути, сводит на нет выраженное согласие.

Значение согласия может быть выражено дважды: фразеосхемой и первой частью модально-союзной двухместной скрепы [Черемисина и др., 1987, с. 175]. Синтаксически связанное двухместное соединение [РГ, т. 1, с. 710] состоит из первого компонента — слова модально-оценочной семантики (*ладно (бы), хорошо (бы)*), в позиции второго компонента — сочинительный союз *а, а то, но*. Первая часть этого построения выражает согласие, вторая — противительный компонент скрепы [Черемисина, и др., 1987, с. 175] — несоответствие действительного положения дел указанному условию. Например, как в следующем случае: *На вопрос о профессии Боря отвечал: «Спасатель». И те, кто не понимал шутки, оставались в уверенности, что этот человек спасает кого-то, видно, утопающих. ... **Ладно, спасатель так спасатель**, даже прикольно, но как же любовь? Разве ты его любишь? А он тебя? Так и подмывало Тетю спросить у Тишки* (М. Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012) [НКРЯ]. Двухместная скрепа *ладно ... но*, помимо указанного значения, вносит дополнительный прагматический эффект недоумения [Окатова, 2016, с. 135].

5. УСЛОВНОЕ СОГЛАСИЕ.

5.1. Допущение.

*Когда стало ясно, что она всерьез намерена меня шантажировать, захлопывая перед моим носом дверцу в только что показанный мне рай, я понял — мне нужно ответное оружие. **Шантаж так шантаж**. Думаю,*

в этой области ни один алгоритм еще долго не сможет сравниться с обиженным и обозленным человеком. В первые дни, как бы в шутку, я пугал ее тем, что объясню Грыму, кто она такая на самом деле (В. Пелевин. S.N.U.F.F., 2011) [НКРЯ].

Значение условного согласия — допущения — выводится из контекста и мыслится как сопоставление «**если** она ... **то** и я ...»: сопоставляются предметные компоненты: *она* — *я*; глагольные: *захлопывает дверь* — *пугаю*. Основание сопоставления – шантаж. Это принятие / согласие / допущение тех же правил игры (шантажа).

5.2. Уступка.

Ладно. Толстой так Толстой, хотя из «Крейцеровой» скорей о ревности кровавые цитаты с мясом выдирать надо, это тебе не «Ася» и не первая, а последняя смертная любовь (М. Гиголашвили. Типун в зипуне, 2007 // «Зарубежные записки», 2008) [Там же].

Значение принятия, согласия (*ладно*) с романтическими представлениями студента о любви предстает как условное: автор говорит *хотя* ..., имея в виду цитаты из «Крейцеровой сонаты» о любви, которые «с мясом выдирать надо, это тебе не “Ася” и не первая, а последняя смертная любовь».

6. Безвыходное согласие-принятие.

Ну, а рыбку заморыша моим волеизъявлением нарекли Витьком. Виктор не стал возражать. Кто же может возражать в день рождения?! Витьк так Витьк (М. Валеева. Кусаки, рыжий бес // «Наука и жизнь», 2008) [Там же].

Значение принятия подтверждается контекстом: *Кто же может возражать в день рождения?*

7. Принятие (как готовность к ...) нежелательной ситуации.

Сахаров знал, на какой упрек он нарывается в своем свободомыслящем, но просоциалистическом окружении. Ну, что ж, спор так спор! К тому времени Сахаров уже около двух лет общался со средой диссидентов. Читал самиздат, участвовал в дискуссиях, неизбежных среди свободомыслящих интеллектуалов (Г. Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода, 2004) [Там же].

СФЕ *спор так спор* выражает значение принятия такого типа общения, как спор. Значение согласия подтверждается контекстом: «*К тому времени Сахаров уже около двух лет общался со средой диссидентов*», из которого понятно, что говорящий готов к спору, так как у него есть приобретенный для этого опыт. Разговорная частица **ну что ж**: употребляется для выражения согласия с чем-либо, и это согласие с нежелательной для говорящего ситуацией.

5. Заключение

В результате исследования особенностей функционирования конструкции « N_{1-6} + так + N_{1-6} » в русском языке, мы пришли к следующим выводам.

Фразеосхема « N_{1-6} + так + N_{1-6} » со значением согласия / принятия представляет собой отдельную фразеологизированную конструкцию, отличную от фразеосхемы «Вот N_1 + так + N_1 », что отражается не только в ее семантике, но и в грамматических вариантах переменных лексических компонентов, возможности употребления в их составе имен собственных, а также в функционировании различных по семантике факультативных членов.

Особенностью грамматической парадигмы конструкции является превалирование обстоятельственных падежных значений над объектными.

Специфика функционирования фразеосхемы проявляется в способности образования фразеологизированных цепочек, а в составе простого предложения — в построении сочинительного ряда.

На формирование семантики конструкции оказывают большое влияние факультативные компоненты и контекст, что позволяет выделить дополнительные смыслы (в работе мы говорим о шестнадцати реализациях значения согласия / принятия).

Источники и принятые сокращения

1. БУСРЯ, 2016 — Морковкин В. В. Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая. — Москва : Словари XXI века ; АСТ — ПРЕСС ШКОЛА, 2016. — 1456 с. ISBN 978-5-9907385-0-8.

2. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 20.09.2020).

3. РГ, 1980 — Русская грамматика : в 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1980. — Т. 2. — 714 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балобанова Л. А. Семантико-прагматический потенциал синтаксических фразеологизмов и их лексикографическое представление в словаре учебного типа : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.02 / Л. А. Балобанова. — Москва, 2004. — 318 с.

2. Ван Жучжэнь. Синтаксический фразеологизм «Что бы я (мы) делал (-ла, -ли) без тебя (вас)?(!) / Ван Жучжэнь, Е. А. Стародумова // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 9—20. — DOI : 10.24224/2227-1295-2019-6-9-20.

3. Величко А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке : структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование / А. В. Величко. — Москва : Макс Пресс, 2016. — 416 с. — ISBN 978-5-317-05229-4.

4. Вилинбахова Е. Л. Доклад, значит доклад : метаязыковые тавтологические конструкции в русском языке / Е. Л. Вилинбахова // Русский язык : конструкционные и

лексико-семантические подходы : сборник тезисов докладов на конференции. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2013. — С. 9—10.

5. *Всеволодова М. В.* Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов : на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки / М. В. Всеволодова, Лим Су Ен. — Москва : Макс Пресс, 2002. — 161 с. — ISBN 5-317-00395-4.

6. *Дискурсивные слова русского языка ; опыт контекстно-семантического описания* / Под редакцией К. Киселевой и Д. Пайяра. — Москва : Метатекст, 1998. — 447 с.

7. *Добрушина Н. Р.* Конструкции с частицей *бы* без финитного глагола / Н. Р. Добрушина // Русский язык : конструкционные и лексико-семантические подходы : тезисы докладов. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2013. — С. 15—17.

8. *Золотарева Л. А.* Подходы к описанию фразеологических синтаксических конструкций русского языка / Л. А. Золотарева, Нгуен Ань Нам // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2018. — № 1, Ч. 2. — С. 305—308.

9. *Золотарева Л. А.* Функциональный подход к лексикографическому описанию фразеосхем русского языка / Л. А. Золотарева // Филология и культура. — 2019. — № 4 (58). — С. 23—29. — DOI : 10.26907/2074-0239-2019-58-4-23-29.

10. *Иомдин Л. Л.* Несколько русских микросинтаксических конструкций, содержащих слово *что* / Л. Л. Иомдин // Русский язык : конструкционные и лексико-семантические подходы : тезисы докладов. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2013. — С. 21—22.

11. *Кайгородова И. Н.* Проблема синтаксической идиоматики (на материале русского языка) / И. Н. Кайгородова. — Астрахань : Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 1999. — 249 с. — ISBN 5-88200-451-9.

12. *Кодухов В. И.* Синтаксическая фразеологизация / В. И. Кодухов // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. — Вологда : Северо-западное книжное изд-во, 1967. — С. 123—136.

13. *Копотев М. В.* Исключение как правило : переходные единицы в грамматике и словаре / М. В. Копотев, Т. И. Стеклова. — Москва : Языки славянской культуры : Рукописные памятники Древней Руси, 2016. — 166 с. — ISBN 978-5-94457-253-0.

14. *Крутова И. Н.* Эмотивные синтаксические идиомы как объект исследования лингвопрагматики / И. Н. Крутова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2010. — № 1, Ч. 2. — С. 107—109.

15. *Меликян В. Ю.* Синтаксический фразеологический словарь русского языка / В. Ю. Меликян. — Москва : Флинта, 2013. — 400 с. — ISBN 978-5-9765-1719-6.

16. *Меликян В. Ю.* Словарь устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели / В. Ю. Меликян. — Москва : Флинта-Наука, 2016. — 336 с. — ISBN 978-5-9765-2550-4.

17. *Окатова Н. Т.* Союз как обнаружение коммуникативных намерений говорящего / Н. Т. Окатова // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». — Москва : Военный университет : Международные отношения, 2016. — Выпуск № 1, Том 1. — С. 132—141.

18. *Пиотровская Л. А.* Эмотивный синтаксис : типология фразеологизированных синтаксических моделей / Л. А. Пиотровская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 1. — С. 138—143.

19. *Пузов Н. А.* Особенности функционирования предложений-идиом в русской прозе / Н. А. Пузов // Функциональная семантика. — Москва : РУДН, 2011. — С. 330—338.

20. *Рогожникова П. П.* Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову / П. П. Рогожникова. — Москва : АСТ, 2003. — 416 с.
21. *Сафонова С. С.* Синтаксические фразеологизмы как объект автономного исследования / С. С. Сафонова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2010. — Выпуск 2—2. — С. 34—36.
22. *Солганик Г. Я.* Фразеологические модели в современном русском языке / Г. Я. Солганик // Русский язык в школе. — 1976. — № 5. — С. 73—78.
23. *Стародумова Е. А.* Русские частицы / Е. А. Стародумова. — Владивосток : Дальневост. ун-т, 1997. — 68 с.
24. *Черемисина М. И.* Очерки по теории сложного предложения / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. — Новосибирск : Наука, 1987. — 197 с.
25. *Шведова Н. Ю.* О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. — 1958. — № 2. — С. 95—100.
26. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1960. — 378 с.
27. *Шимчук Э. Г.* Словарь русских частиц / Э. Г. Шимчук, М. Г. Щур. — Frankfurt am Main — Berlin — Bern — Bruxelles — New York — Wien : Peter Lang — Europäische Verlag der Wissenschaften, 1999. — 147 с.
28. *Шмелев Д. Н.* Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке / Д. Н. Шмелев // Вопросы языкознания. — 1958. — № 6. — С. 63—75.
29. *Шмелев Д. Н.* О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке / Д. Н. Шмелев // Вопросы языкознания. — 1960. — № 5. — С. 47—60.
30. *Янко-Триницкая Н. А.* Синтаксические фразеологизмы с лексическими повторами / Н. А. Янко-Триницкая // Русский язык в школе. — 1967. — № 2. — С. 87—92.

TEXTUAL MANIFESTATION OF THE PHRASEOLOGICAL SCHEME “N1-6 + so + N1-6” IN PUBLICISTIC AND ARTISTIC DISCOURSES

© **Lyubov A. Zolotareva (2021)**, orcid.org/0000-0001-8067-8185, Scopus AuthorID 57191892992, PhD in Pedagogics, Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia), l100569@yandex.ru.

© **Natalia T. Okatova (2021)**, orcid.org/0000-0002-0822-1380, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia), oknt@rambler.ru.

The article is devoted to identifying the functional features of the phrase scheme “N1-6 + so + N1-6” in the texts of the journalistic and artistic styles of the Russian language. Structural, semantic and pragmatic characteristics of linguistic units of this structural type are considered. Various approaches to the description of phraseological schemes of the Russian language are commented, but the authors propose to consider the combination of structural-semantic and functional-communicative approaches as the main one for this study. It is noted that in the Russian language the studied phraseological scheme is presented in two homonymous variants, which have the meaning of the highest degree of manifestation of the feature and

the meaning of consent / acceptance. Arguments for highlighting these options, which are confirmed by the difference in semantics, component composition and grammatical variability of each phraseological scheme, are given. The authors pay special attention to identifying the contextual meanings of this syntactic structure. Such types of meaning of consent and acceptance are considered, such as forced / uncontrolled, indifferent consent / acceptance, conscious / controlled, etc. The relevance of the study is due to the emergence of new facts of phraseologization of syntactic units in speech and the application of complex analysis to the phraseological units under consideration. The material was the texts of the National Corpus of the Russian language, as well as the authors' card index.

Key words: syntactic phraseology; sentences of phraseological structure; phraseological scheme; phraseological scheme semantics; structural characteristics; pragmatic features.

MATERIAL RESOURCES

- BUSRYa, 2016 — Morkovkin, V. V., Bogacheva, G. F., Lutskaya, N. M. (2016). *Bolshoy universalnyy slovar' russkogo yazyka* [Bolshoy universal dictionary of the Russian language]. Moskva: Slovare XXI veka; AST — PRESS ShKOLA. 1456 p. ISBN 978-5-9907385-0-8. (In Russ.).
- NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed 20.09.2020). (In Russ.).
- RG, 1980 — *Russkaya grammatika* [Russian Grammar], 2 (2). (1980). Moskva: Nauka. 714 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Balobanova, L. A. (2004). *Semantiko-pragmaticheskiy potentsial sintaksicheskikh frazeologizmov i ikh leksikograficheskoye predstavleniye v slovare uchebnogo tipa*. PhD. Diss. [Semantic and pragmatic potential of syntactic phraseological units and their lexicographic representation in the dictionary of educational type. PhD. Diss.]. Moskva. 318 p. (In Russ.).
- Cheremisina, M. I., Kolosov, T. A. (1987). *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the theory of complex sentences]. Novosibirsk: Nauka. 197 p. (In Russ.).
- Diskursivnyye slova russkogo yazyka; opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discursive words of the Russian language; experience of contextual and semantic description]. (1998). Moskva: Metatekst. 447 p. (In Russ.).
- Dobrushina, N. R. (2013). Konstruktsii s chastitsey by bez finitnogo glagola [Constructions with a particle of a would without a finite verb]. In: *Russkiy yazyk: konstruktivnyye i leksiko-semanticheskiye podkhody: tezisy dokladov* [Russian language: constructional and lexical-semantic approaches: abstracts of reports]. Sankt-Peterburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN. 15—17. (In Russ.).
- Iomdin, L. L. (2013). Neskolko russkikh mikrosintaksicheskikh konstruktivnykh slovo chto [Several Russian microsyntactic constructions containing the word what]. In: *Russkiy yazyk: konstruktivnyye i leksiko-semanticheskiye podkhody: tezisy dokladov* [Russian language: constructional and lexical-semantic approaches: abstracts]. Sankt-Peterburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN. 21—22. (In Russ.).
- Kaygorodova, I. N. (1999). *Problema sintaksicheskoy idiomatiki (na materiale russkogo yazyka)* [The problem of syntactic idiom (in Russian language)]. Astrakhan': Izdvo Astrakhanskogo gos. ped. un-ta. 249 p. (In Russ.).

- Kodukhov, V. I. (1967). Sintaksicheskaya frazeologizatsiya [Syntactic phraseologization]. In: *Problemy frazeologii i zadachi yeye izucheniya v vysshey i sredney shkole* [Problems of phraseology and tasks of its study in higher and secondary schools]. Vologda: Severo-zapadnoye knizhnoye izd-vo. 123—136. (In Russ.).
- Kopotev, M. V., Steksova, T. I. (2016). *Isklyucheniye kak pravilo: Perekhodnyye yedinityy v grammatike i slovare* [Exception as a rule: Transitional units in grammar and dictionary]. Moskva: Yazyki slavyanskoj kultury: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi. 166 p. ISBN 978-5-94457-253-0. (In Russ.).
- Krutova, I. N. (2010). Emotivnyye sintaksicheskiye idiomyy kak obyekt issledovaniya lingvo-pragmatiki [Emotive syntactic idioms as an object of linguopragmatics research]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 1 (2): 107—109. (In Russ.).
- Melikyan, V. Yu. (2013). *Sintaksicheskij frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Syntactic phraseological dictionary of the Russian language]. Moskva: Flinta. 400 p. ISBN 978-5-9765-1719-6. (In Russ.).
- Melikyan, V. Yu. (2016). *Slovar' ustoychivyykh fraz russkogo yazyka. Frazeoskhemy i ustoychivyye modeli* [Dictionary of stable phrases of the Russian language. Prazeodima and sustainable model]. Moskva: Flinta-Nauka. 336 p. ISBN 978-5-9765-2550-4. (In Russ.).
- Okatova, N. T. (2016). Soyuz kak obnaruzheniye kommunikativnykh namereniy govoryashchego [Union as detection of communicative intentions of the speaker]. *Voyenno-gumanitarnyy almanakh. Seriya «Lingvistika»* [Military-humanitarian almanac. Series «Linguistics»], 1 (1): 132—141. (In Russ.).
- Piotrovskaya, L. A. (2019). Emotivnyy sintaksis: tipologiya frazeologizirovannykh sintaksicheskikh modeley [Emotive syntax: typology of phraseological syntactic models]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta], 1: 138—143. (In Russ.).
- Puzov, N. A. (2011). Osobennosti funkcionirovaniya predlozheniy-idiom v russkoy proze [Features of functioning of sentences-idioms in Russian prose]. In: *Funktsionalnaya semantika* [Functional semantics]. Moskva: RUDN. 330—338. (In Russ.).
- Rogozhnikova, R. P. (2003). *Tolkovyy slovar' sochetaniy, ekvivalentnykh slovu* [Explanatory dictionary of combinations equivalent to the word]. Moskva: AST. 416 p. (In Russ.).
- Safonova, S. S. (2010). Sintaksicheskiye frazeologizmy kak obyekt avtonomnogo issledovaniya [Syntactic phraseological units as an object of autonomous research]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities], 2—2: 34—36. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (1958). O nekotorykh tipakh frazeologizirovannykh konstruksiy v stroye russkoy razgovornoy rechi [On some types of phraseological constructions in the structure of Russian colloquial speech]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 2: 95—100. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (1960). *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* [Essays on the syntax of Russian colloquial speech]. Moskva: Nauka. 378 p. (In Russ.).
- Shimchuk, E. G., Shchur, M. G. (1999). *Slovar' russkikh chastits* [Dictionary of Russian particles]. Frankfurt am Main — Berlin — Bern — Bruxelles — New York — Wien : Peter Lang — Europäische Verlag der Wissenschaften. 147 p. (In Russ.).

- Shmelev, D. N. (1958). Ekspressivno-ironicheskoye vyrazheniye otritsaniya i otritsatelnoy otsenki v sovremennom russkom yazyke [Expressive-ironic expression of the negation and negative assessment in modern Russian]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 6: 63—75. (In Russ.).
- Shmelev, D. N. (1960). O «svyazannykh» sintaksicheskikh konstruktivnykh v russkom yazyke [O “svyazannykh” syntactical constructions in the Russian language]. *Voprosy yazykoznaniya* [Voprosy yazykoznaniya], 5: 47—60. (In Russ.).
- Solganik, G. Ya. (1976). Frazeologicheskiye modeli v sovremennom russkom yazyke [Phraseological models in the modern Russian language]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school], 5: 73—78. (In Russ.).
- Starodumova, E. A. (1997). *Russkiye chastitsy* [Russian particles]. Vladivostok: Dalnevost. un-t. 68 p. (In Russ.).
- Velichko, A. V. (2016). *Predlozheniya frazeologizirovannoy struktury v russkom yazyke: strukturno-semanticheskoye i funktsionalno-kommunikativnoye issledovaniye* [Sentences of phraseological structure in the Russian language: structural-semantic and functional-communicative research]. Moskva: Maks Press. 416 p. ISBN 978-5-317-05229-4. (In Russ.).
- Vilinbakhova, E. L. (2013). Doklad, znachit doklad: metazykovyye tautologicheskiye konstruktivii v russkom yazyke [Report, means report: metalinguistic tautological constructions in the Russian language]. In: *Russkiy yazyk: konstruktivnyye i leksiko-semanticheskiye podkhody: sbornik tezisev dokladov na konferentsii* [Russian language: constructional and lexical semantic approaches: abstracts of reports at the conference]. Sankt-Peterburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN. 9—10. (In Russ.).
- Vsevolodova, M. V., Lim Soo Yeon. (2002). *Printsipy lingvisticheskogo opisaniya sintaksicheskikh frazeologizmov: na materiale sintaksicheskikh frazeologizmov so znacheniyem otsenki* [Principles of linguistic description of syntactic phraseological units: on the material of syntactic phraseological units with the meaning of evaluation]. Moskva: Maks Press. 161 p. ISBN 5-317-00395-4. (In Russ.).
- Wang Ruzhen, Starodumova, E. A. (2019). Syntactic Phraseological Unit “What Would I (We) Do without You?(!)”. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 6: 9—20. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-9-20. (In Russ.).
- Yanko-Trinititskaya, N. A. (1967). Sintaksicheskkiye frazeologizmy s leksicheskimi povtorami [Syntactic phraseological units with lexical repetitions]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school], 2: 87—92. (In Russ.).
- Zolotareva, L. A. (2019). Funktsionalnyy podkhod k leksikograficheskomu opisaniyu frazeoskhem russkogo yazyka [Functional approach to lexicographic description of phraseoschem of the Russian language]. *Filologiya i kultura* [Philology and Culture], 4 (58): 23—29. DOI: 10.26907/2074-0239-2019-58-4-23-29. (In Russ.).
- Zolotareva, L. A., Nguen An’ Nam. (2018). Podkhody k opisaniyu frazeologicheskikh sintaksicheskikh konstruktivnykh russkogo yazyka [Approaches to the description of phraseological syntactic constructions of the Russian language]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 1 (2): 305—308. (In Russ.).